

Звоны града невидимого

Мы вступили в пятидесятый год борьбы нашего народа против поработившего его зла.

Борьба велась, ведется и будет вестись силой.

Борьба велась, ведется и будет вестись словом правды, призывом и убеждением.

Борьба велась, ведется и будет вестись жертвой и страданиями праведных, кровью мучеников, молитвой обидимых за обидящих их.

С первых дней захвата власти богоборцами хранилищем совести и духовных сокровищ нашего народа стала Русская Церковь. Втаптываемые в землю гонителями и обильно поливаемые кровью, потом и слезами иерархов, священников и церковного народа, эти сокровища на наших глазах начинают давать неистребимые побеги во все новых областях жизни и общественных отношений.

Борьба за законность и человечность! Не святейший ли патриарх Тихон, лично пошедший к захватившим Москву большевикам просить за схваченных в Кремле юнкеров, первый указал нам этот путь?

Борьба за свободу творчества! Где, как не в возмещаемой Церковью благой вести (Евангелии) духовной свободы и ответственности, нашли себе точку опоры те, кто преодолел мертвящую ложь учений Маркса и его последователей?

Борьба за русскую культуру! Кто, как не вскопленное православием старшее поколение, отстоял для нас памятники культуры, за которые теперь повели борьбу и свежие, молодые силы?

Борьба за единство и целостность нашего народа! Что, как не заповеданная Евангелием любовь, сохранило нам, вопреки злобе и разложению, которые сеял враг, основу общественной ткани — семью, без которой народ наш перестал бы быть органическим целым и распался бы?

Русская Церковь и ныне — подлинный ковчег народной души. От души народа исходят его благие порывы: жажда правды, воля к очищению. Для поверхностного, секуляризованного взгляда борьба Церкви за свое внешне видимое существование — всего лишь «одно из явлений общественной жизни современной России». По существу же — сама общественность, бессознательно или сознательно воплеща порывы христианской души народа, становится проявлением жизни Церкви, частью Церкви.

Церковь — не механическое объединение зарегистрированных чиновниками священнослужителей и не организация только, возглавляемая тем или иным правильно или неправильно, «канонически» или «неканонически» поставленным управлением. Церковь — мистическое тело, глава которого — Христос,

а члены — как ныне живущие души, принявшие святое крещение, так и души всех «прежде отшедших отец и братьев наших» — епископов, священников, монахов и мирян.

Церковь как организацию раздирают расколы. Мистическое же тело Церкви не в силах разъединить ни светская, ни церковная власть. Суду Божию в качестве верных или в качестве изменивших, но членов Церкви предстанут и малодушный кормчий Русской

Церкви, и соблазненный им мирянин, покинувший из-за него видимую ограду Церкви или даже поколебавшийся в своей вере во Христа.

Истекший год принес нам уверенность в том, что в нашей Церкви

с каждым днем обостряется сознание не терпимости дальнейшего подчинения беззаконию; с каждым днем нарастает спасительная жажда очищения; с каждым днем нарастает чувство ответственности за те души, которые не просвещены Евангельским словом (Открытое письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина патриарху Алексию 21 ноября 1965 года).

По словам зарубежного церковного публициста Никиты Струве (передовая статья «Вестника Русского студенческого христианского движения», № 81, 1966, Париж), письмо о. Николая и о. Глеба стало «разделяющим мечом»: «отныне ложь не может рядиться в правду, малодушие — в тонкий расчет. Начался духовный суд, и как бы яростно ни ополчались церковные власти на авторов письма, их действия уже осуждены».

Каждое новое прещение нынешнего управления Русской Церковью лишь углубляет черту, проведенную «разделяющим мечом» о. Николая и о. Глеба. Но вместо того, чтобы изолировать непокорных, эта черта изолирует самих возглавителей церковного управления, «краснорядных» (по народному выражению) коллаборантов богоборческой власти.

Они остаются по левую сторону черты.

А по правую стоит обретающая новое, углубленное сознание своего единства Церковь: епископы, священники, миряне в тюрьмах и ссылках; епископы и священники, лишённые «регистрации»; епископы и священники, по велению своей совести сами порвавшие общение с нынешним церковным управлением и несущие подвиг тайного служения; епископы, священники и миряне, продолжающие молиться и совершать таинства в открытых храмах и противодействующие усилиям богоборцев, направленным на разрушение Церкви; миллионы мирян, насильно лишённых возможности участвовать в правильной церковной жизни в России; епископы, священники и миряне Русской Церкви за рубежом.

Только эта черта, проведенная «разделяющим мечом» двух московских священников, имеет теперь значение. Все другие разделения стираются, теряют свой смысл. Мы это ощущаем даже в зарубежье: местные задачи «американского» или «французского» православия отодвигаются на подобающее им второе место, тенденция к пониманию одной из временных церковных группировок, как самодовлеющей «Церкви», теряет свою силу. Вновь утверждается сознание принадлежности всех нас к единой и нераздельной Русской Церкви, — к Церкви о. Николая и о. Глеба, к Церкви архиепископа Ермогена, к Церкви Анатолия Левитина, Феодосии Вараввы и всех тех наших братьев и сестер, чьи имена мы читаем подходящими до нас «открытыми письмами», прошениями, протестами и обличениями.

«Движение за созыв нового Всероссийского Церковно-Поместного Собора, действительно являющего собой светлый лик Русской Церкви, началось и, милостью Божией, не прекратится до тех пор, пока Собор этот не будет созван», свидетельствуют в своем открытом письме о. Николай и о. Глеб. Но богоборческая светская власть достаточно еще сильна, чтобы в течение некоторого времени удерживать контроль над частью духовенства Русской Церкви и над существующей ее открытой организацией.

Поэтому борьба за очищение и обновление Русской Церкви, за созыв Собора, ложится на плечи «запрещенных», «незарегистриро-

С Рождеством Христовым!

ванных» и тайных епископов и священников, а в равной степени и на плечи мирян.

Мы стоим перед свершением пророческого видения покойного проф. А. В. Карташева («Воссоздание Святой Руси», Париж, 1956 г.):

Союз не с «казенной» холодной государственностью, а с сердцем народа в усовершенствованных, всепроникающих и всеохватывающих связях свободной братской организации — вот широкий, дух захватывающий путь для всех живых христианских душ ближайших русских поколений...

Делайте всё сами, никого не ждите... Берегите Церковь, духовно питайтесь от нее и стройте царствие Божие на земле. Не пустыми обличениями антихристов града, а делами собственного строительства сначала как бы невидимого града Божия...

Град еще невидим. Но звоны Китежа уже гудят над Русской Землей.

ГЛЕБ РАР

Послание митрополита Филарета

ГЛАВЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ГОНИМЫМ И ПРЕСЛЕДУЕМЫМ ХРИСТИАНАМ — БРАТЬЯМ НАШИМ В РОССИИ

«Мы многие составляем одно тело во Христе» (Римлянам 12, 5), так учит нас Апостол и добавляет: «радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Римлянам 12, 15).

К нам, к русской церковной общечеловечности, находящейся за пределами родины, в свободном мире, и живущей в относительном благополучии, все чаще и чаще обращаются, гонимые и преследуемые за свою веру, братья наши из России. Обращаются они или с воплем о помощи или без всяких просьб, желая только рассказать нам о своих тяжких муках, поделиться с нами своим горем.

И мы хотим, на страшное и святое повествование об этих страданиях, ответить кратким словом: «слышим!».

Мы слышим вас, дорогие и во Христе горячо любимые братья и сестры, слышим о ваших страданиях, о вашей вере и о непобедимой вашей твердости в исповедании, перед которыми бессильны оказываются усилия врагов, вот уже почти полвека тщетно пытающихся искоренить святую веру из наших душ.

Мы — свободная часть Русской Церкви, вынужденная покинуть родину еще в 1920 году, существующая с тех пор в свободном мире, на всех континентах, как Русская Православная Церковь за границей...

Мы хотим быть со Христом, несмотря на все наши человеческие немощи.

Духовно мы всегда были с вами; мы никогда не переставали с любовью следить за вашей священной борьбой с безбожием, и любящему сердцу нашему открывался весь ужас вашего положения, оставшийся часто незримым и непонятным для взора чужого и равнодушного, — положения, которое так хотят скрыть от внешнего мира гонители.

Но помните, что и эти скорби могут быть спасительны, при том единственном условии, что Россия сейчас всем своим существом обратится ко Христу.

Доходят до нас, говорящие о таком обращении, послания ваши, говорят нам о подвиге верующих и иностранцы, побывавшие теперь в СССР, читаем мы о мужественно переносимых испытаниях ваших сдержанно-осторожные слова в повестях и очерках современных писателей России.

Мы горячо молимся за вас, дорогие братья и сестры, во всех наших храмах, за каждым богослужением. Мы стараемся распространить, как можно шире, все то, что узнаем о вашей тяжелой жизни и гонении на веру. Мы боремся с лживой пропагандой о том, что якобы на нашей родине нет гонений на веру, что только дряхлые старики и старухи там еще верят в Бога, что верующие якобы сами, по своей воле, закрывают церкви и оскверняют свои святыни. Мы раскрываем перед сво-

бодным миром козни врагов Церкви и лжебратий.

Послания ваши мы переводим на иностранные языки и знакомим с ними тех иностранцев, в которых сохранилась еще вера христианская и осталось общечеловеческое чувство справедливости. И они помогают нам, в той малой возможности бороться за вас, которая у нас имеется.

Ваше дело, — дело борьбы за веру, за Христа и Его Церковь, — это наше общее дело. На вас лежит священный, но и тягчайший крест исповедничества; на нас — гораздо более легкая, но тоже ответственная, обязанность: свидетельствовать неустанно о вашем подвиге, болеть им, радоваться ему. Мы преклоняемся перед ним, мы благоговейно лобызаем тот крест, который вы несете, и мы, как нашу славу и похвалу, свидетельствуем нашу общность с вами, исповедниками веры Христовой на русской земле.

О, как утешительно для нас это! Как поднимает наш дух вера в Россию и укрепляет нас в стремлении сохранить за рубежом верность нашей Церкви, пусть ценою лишения отечества и многолетнего скитания в чужих, но зато свободных, странах, сохранивши полную независимость от безбожной власти.

Непобедимой силы вашего креста боятся мучители. Борясь против Света, они творят свои злые дела во мраке. Борясь против Правды, они оружием своим имеют ложь. Но как бы они ни трепетали, как бы ни крылись во мраке, как бы ни лгали, — они бессильны перед нами верующими, так как каждый день, каждый час мы чувствуем и видим всю непобедимую правду слов Апостола Любви: «сия есть победа, победившая мир, вера наша» (Первое послание Иоанна 5, 4).

Не зная этого, не понимая своего бессилия в борьбе с Церковью, безбожники думали уничтожить ее человеческими мерами и средствами. С самого начала нашей революции они старались разрушить внешнюю организацию Церкви: аресты твердо и мужественно стоявших на своих постах епископов и священнослужителей; мучения и издевательства над ними и верующей паствой их; кощунственное уничтожение храмов и святынь нашего народа; ссылки и расстрелы и т. д. Внешне воинствующие безбожники торжествовали. В их руках была сила и власть.

Однако не учли они того, что бороться с человеческими силами против Христа и Церкви Его нельзя. Бессильно человеческое перед Божественным, временное перед Вечным, ложь перед Истиной!

Внешне разгромлена была Церковь, но внутренне она сплотилась.

Святейший патриарх Тихон не мог иметь личного контакта с арестованными и сосланными во все концы России епископами. Официальная переписка между ними была прервана. Пасомые лишили своих отцов и настоятелей, пастыри — своей любимой паствы. «Поражу пастыря и рассеются овцы стада». (От Матфея 26, 31).

В этот трагический, казалось бы, момент внешне разбитое и обезглавленное словесное стадо Русской Церкви незримо, духовно сплотилось, вопреки ожиданию врагов. После кончины своего мужественного пастыря, Святейшего патриарха Тихона, знаменем правды оставались для вас, так же как и для нас, такие великие иерархи-исповедники, как митрополиты Петр Грутицкий, Кирилл Казанский и Иосиф Петроградский. Мученический подвиг их служил и на родине, и за рубежом знаменем Веры и Истинного Православия.

На Соловецких островах одно время было собрано безбожной властью в концлагере множество арестованных епископов, священнослужителей и мужественно исповавшихся свою веру мирян. Эти новомученики российские и твердые исповедники обратились ко всем чадам Церкви с богодухновенным посланием (передававшимся из рук в руки), заканчивающимся словами: «Церковь помнит, что сила Ее заключается в ЕДИНЕНИИ ВЕРЫ И ЛЮБВИ преданных Ей чад Ее, и упование возлагает на непреодолимую мощь Ее Божественного Основателя и Его обетование о неодолимости Его создания». Истину этих слов они запечатлели своею мученической кровью, за что прославлены уже на небе. Но верим мы, что придет день, когда наравне с великими древними мучениками они будут прославлены и на земле.

Через необозримые просторы мира, через ограды тюрем и концентрационных лагерей, преодолевая все границы и материальные преграды, проходят незримые нити нашего духовного единства о Господе. Это соборное внутреннее единство чад Русской Церкви является той несокрушимой скалой, о которую разбиваются все волны злобы и безумия безбожников. Воочию исполняются слова нашего Спасителя: «созижду Церковь Мою, и врата Ада не одолеют ее» (От Матфея 16, 18).

И вот мы, видя, что пробуждаются ныне русские люди от безбожного дурмана и что живут они со Христом в катакомбах своих сердец, шлем им, в каких бы условиях они ни пребывали, свое благословение:

Боритесь за Христа — кто, как и где может!..

Митрополит ФИЛАРЕТ

АПЕЛЛЯЦИЯ МОСКОВСКИХ СВЯЩЕННИКОВ

Нынешнее высшее управление Русской Православной Церкви в стране 13 мая 1966 г. запретило священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина в служении (см. «Посев» 17.6.66). Оба священника подали 23 мая патриарху, синоду и правящим епископам апелляцию на решение патриарших, полный текст которой был опубликован в газете «Русская мысль» (Париж) 25 августа пр. г.

Мы перепечатаем наиболее существенные места заключительной части этого документа:

...Незаконное запрещение, запрещение невиновного, запрещение не по правилам, а по произволу, «по своей страстной воле», Святая Церковь считает за великий грех.

По правилам церковным епископ, дерзнувший на такое запрещение, «должен подвержен быть тому, чему подвергал другого»...

Никто не может быть судьей в своем деле!

Святейший Патриарх не имел права подвергнуть авторов «Открытого письма» запрещению еще и на том основании, что обвинения, выдвинутые ими, относятся прежде всего к церковной деятельности самого Патриарха Алексия.

...Прещение, наложенное на нас Его Святейшеством, противоречит Святым Канонам и потому носит характер недопустимой в Церкви личной расправы.

Тем не менее, мы считаем долгом ради церковного послушания подчиниться незаконному запрещению впредь до церковного суда.

Припадая к Вашей Святыне, мы смиренно свидетельствуем, что рука наша не коснется епитрахили до тех пор, пока правильный церковный суд не снимет с нас несправедливого прещения.

...Мы с надеждой ждем восстановления в Русской Православной Церкви канонической Правды, твердо веруя, что по слову Господню «делом правды будет мир и плодом правосудия — покойствие и безопасность» (Исаия 32, 17).

В. Шаламов

Два рассказа

Эти два рассказа получены нами из России. Они свидетельствуют о большой талантливости автора. Его произведения очень популярны, особенно среди молодежи, и ходят в списках по стране.

Ред.

Калигула

Записка была получена в роте еще до гудка, в сумерки. Комендант зажег бензину, прочел бумагу торопливо и пошел отдать распоряжение. Ему ничего не казалось странным.

«Он не того?» — спросил дежурный надзиратель, показывая себе на лоб.

Комендант холодно посмотрел на солдата, и дежурному стало страшно за свое легкомыслие. Он отвел глаза на дорогу.

«Ведут», — сказал он, «сам Ардатов идет».

Сквозь туман были видны два конвоира с винтовками. За ними возчик вел в поводу серую, исхудалую лошадь. Сзади лошади без дороги, прямо по снегу, шагал грузный, большой человек. Белый овчинный полушубок был распахнут, шапка-барнаулка сбита на затылок. В руке он держал палку и нещадно бил по костлявым, грязным, впавшим бокам лошади. Лошадь дергалась от каждого удара и продолжала плестись, не в силах ускорить шаг.

У проходной будки конвоиры остановили лошадь, и Ардатов, пошатываясь, вышел вперед. Он сам дышал, как заперенный конь, обдавая запахом спирта вытянувшегося в струнку коменданта.

«Готово?» — прохрипел он.

«Так точно!» — ответил комендант.

«Тащи ее!» — заорал Ардатов. — «Принимаю на довольствие. Людей наказываю, лошадей милую не буду! И ее доведу до дела. Третий день не работает», — бормотал он, тыча кулаком в грудь коменданта. — «Я возчика хотел посадить. План ведь срывается. Пла-а-а-а... Возчик кланется: Не я, лошадь не работает. Я п-понимаю», — икал Ардатов, — «я в-верю... Дай, говорю, вожжи. Вожжи взял — не идет. Бью — не идет. Ах ты, думя, гадина, куда же мне теперь твои трудовни списывать? Туда ее — ко всем Филонам, ко всем врагам человечества — в карцер. На первый раз трое суток. На голую воду».

Ардатов сел на снег и снял шапку. Мокрые, спутанные волосы сползли на глаза. Пытаясь встать, он вдруг качнулся и опрокинулся на землю.

Надзиратель и комендант втащили его в дежурку. Ардатов спал.

«Домой отнесем?»

«Не надо. Жена не любит».

«А лошадь?»

«Надо вести. Проснется, узнает, что не посадили, — убьет. Сажай ее в четвертую. К интеллигенции».

Два стрелка из заключенных внесли в дежурку дрова на ночь и стали укладывать их около печки.

«Что скажете, Петр Григорьевич?» — сказал один из них, показывая глазами на дверь, за которой храпел Ардатов.

«Скажу, что это не ново... Калигула...».

«Да, да, как у Державина» — подхватил второй и, выпрямившись, с чувством прочел:

«Калигула, твой конь в сенате
Не мог сиять, сияя в злате,
Сияют добрые дела...»

Старики закурили, и голубой махорочный дым поплыл по комнате.

Почерк

Поздно ночью Криста везли «за конбазу». Так звали в лагере домик, прижавшийся к сопке у края поселка. Там жил следователь «по особо важным делам», как острили в лагере, ибо в лагере не было «дел» не особо важных — каждый проступок или видимость проступка мог быть наказан смертью. Или смерть или полное оправдание. Впрочем, кто мог рассказать о своем полном оправдании. Готовый ко всему, безразличный ко всему, Крист шел по узкой тропе, ведущей «за конбазу», хорошо протоптанной тропе. Вот в домике-кухне зажегся свет — это хлеборез, наверное сейчас начнет нарезать «пайки» к завтраку. К завтрашнему завтраку. Будет ли завтрашний день и завтрашний завтрак у Криста? Он этого не знал и радовался своему незнанию. Под ноги Крису попало что-то, непохожее на снег или льдинку. Крист нагнулся, поднял мерзлую корочку и сразу понял — шелуха репы, обледеневшая корка репы. Лед уже растаял в руках Криста, и он затолкал корочку в рот. Спешить явно не стоило. Крист обошел всю тропу, начиная от края бараков, понимая, что он, Крист, проходит первым по этой длинной снежной дороге, что еще никто до него не проходил здесь по краю поселка к следователю сегодня. По всей дороге к снегу примерзали, как завернутые в целлофан, кусочки репы. Крист отыскивал их целый десяток кусочков — одни больше, другие меньше. Давно уж Крист не видел людей, которые бросали бы в снег корки от репы. Это был не заключенный, — вольнонаемный, конечно. Может быть, сам следователь. Крист разжевал и съел все эти корки — во рту его запахло чем-то давно забытым: родной землей, живыми овощами, и с радостным настроением Крист постучал в домик следователя.

Следователь был невысок, худощав, небрит. Здесь был только его служебный кабинет и железная койка, покрытая солдатским одеялом, и скомканная грязная подушка... Стол — самодельный письменный стол с перекосными подвижными ящиками, туго набитыми бумагами, какими-то папками. На подоконнике ящик с карточками. Этажерка тоже завалена туго набитыми папками. Пепельница из половины консервной банки. Часы-ходики на окне. Часы показывали половину одиннадцатого. Следователь растапливал бумагой железную печку.

Следователь был белокож, бледен, как все следователи. Ни дневального, ни револьвера.

— Садитесь, Крист, — сказал следователь, называя заключенного на «вы», и подвинул ему старую табуретку. Сам он сидел на стуле — самодельном стуле с высокой спинкой.

— Я просмотрел ваше дело, — сказал следователь, — и у меня есть к вам одно предложение. Не знаю, подойдет ли оно вам.

Крист замер в ожидании. Следователь помолчал.

— Я должен знать о вас еще кое-что.

Крист поднял голову и никак не мог сдержать отрывки. Приятной отрывки — неужели хорошего вкуса свежей репы.

— Напишите заявление.

— Заявление?

— Да, заявление. Вот листок бумаги, вот перо.

— Заявление? О чем? Кому?

— Да кому угодно! Ну, не заявление, так стихотворение Блока. Ну, все равно. Поняли?

— Или «Птичку» Пушкинскую:

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей.
Я рощам возвратил певичку,
Я возвратил свободу ей. —

продекламировал следователь.

— Это не Пушкина, — напрягая все силы своего иссушенного мозга, прошептал Крист.

— А чье же?

— Туманского.

— Туманского? Первый раз слышу.

— А-а, вам нужна экспертиза какая-нибудь? Не я ли кого-нибудь убил. Или написал письмо на волю. Или изготовил магазинный чек для блатных?

— Совсем нет. Экспертизы такого рода нас не затрудняют.

Следователь улыбнулся, обнажив вспухшие десны. Как бы ни была ничтожна эта свернувшая улыбка, она прибавила немножко свету в комнате. И в душе Криста тоже. Крист невольно поглядел следователю в рот.

— Да, — сказал следователь, поймав этот взгляд. — Цинга, цинга. Цинга здесь и вольных не оставляет. Свежих овощей нет.

Крист подумал о репе. Витамины — их больше в корке репы, чем в мякоти — достались Крису, а не следователю. Крист хотел поддержать этот разговор, рассказать о том, как он обсасывал корки репы, брошенные следователем, но не решился, боясь, что начальство осудит за чрезмерную развязанность.

— Так поняли или нет? Мне нужно посмотреть ваш почерк.

Крист все еще ничего не понимал.

— Пишите, — диктовал следователь.

«Начальнику прииска. Заключенного Криста, год рождения, статья, срок. Заявление. Прошу перевести меня на более легкую работу...».

— Достаточно.

Следователь взял недописанное заявление Криста, разорвал его и бросил в огонь... Свет печки на мгновение стал ярче.

— Садитесь за стол. С краюшка.

У Криста был каллиграфический, писарский почерк, который ему самому очень нравился, а все его товарищи смеялись, что почерк не похож на профессорский, докторский. Это не почерк ученого, писателя, поэта, Это почерк кладовщика. Смеялись, что Крист мог бы сделать карьеру царского писаря, о котором рассказывал Куприн.

Но Криста эти насмешки не смущали, и он продолжал сдавать на машинку четко переписанные рукописи. Машинистки одобряли, но втайне посмеивались.

Пальцы, привыкшие к кайлу, к черенку лопаты, никак не могли ухватить ручку, но в конце концов это удалось.

— У меня беспорядок, хаос, — говорил следователь. — Я сам понимаю. Но вы ведь можете наладить.

— Конечно, конечно, — сказал Крист. Печка уже разгорелась, и в комнате было тепло.

— Закурить бы...

— Я некурящий, — сказал следователь грубо. — И хлеба у меня нет. На работу вы завтра не пойдете. Я скажу нарядчику.

Так несколько месяцев раз в неделю Крист приходил в нетопленное, неуютное жилище лагерного следователя, переписывал бумаги, подшивал.

Бесснежная зима тридцать седьмого-восьмого года уже вошла в бараки всеми своими смертными ветрами. Каждую ночь по бару бегали нарядчики, отыскивая и будя людей по каким-то спискам «в этап». Из этапов и раньше-то не возвращались, а тут перестали

мом деле, часть нашего исторического прошлого, часть нашего культурного наследия. Вполне естественно, что они вошли в список тех памятников старины, за которые разгорается сейчас борьба. Однако, в пылу стычек с «варварами XX века», как очень метко определила «Молодая гвардия» (№ 9, 1965), речь уже зашла не только о сохранении чудом уцелевших еще старинных имен, но и о возвращении былых названий переименованным в ту или иную эпоху советской власти городам, улицам и площадям. Характерным свидетельством, в этом отношении, является статья Владимира Солоухина: «Письма из Русского музея», помещенная в журнале «Молодая гвардия» (№ 9, 1966):

«...не слишком ли мы торопимся переименовывать все направо и налево без необходимой проверки суворым, беспощадным временем?».

Под непосредственным руководством С. М. Кирова возник большой город на Кольском полуострове, в Хибинах. Правильно, что городу присвоили имя этого выдающегося, а впоследствии трагически погибшего человека. Но обязательно ли было еще и Вятку, старинную Вятку, лишать ее прекрасного поэтического имени?..

Кроме того, существуют еще десятки, если не сотни улиц имени Кирова, Кировских, Кировские мосты, Кировские районы, есть Кировобад, есть Кировский (бывший Путиловский) завод и даже... Кировский (бывший Марининский) театр. Заводу — еще куда-сюда... Но театру, в особенности оперному, больше подходило бы имя какого-нибудь выдающегося артиста, а не политического деятеля. Не очень

естественно звучало бы «Шалыпинский металлургический завод», но очень уместно — «Шалыпинский оперный театр».

Несколько городов имени одного и того же человека! Никто из великих людей планеты, ни Данте, ни Шекспир, ни Дарвин, ни Толстой, ни Рафаэль, ни Гёте, не имеют такого количества городов, названных их именами. Более того, вообще на земле нет ни одного города имени этих людей. Флоренция не переименована в Дантеград, а немецкий городок, мемориально связанный с Гёте, продолжает сохранять свое древнее название — Веймар...

Нет, я думаю, лучше возратить постепенно или сразу (по мне лучше бы сразу) все, без исключения, исконные, исторически сложившиеся, не нами данные, подлинные имена городов, площадей и улиц...

Возвращается ветер на крути свои. Стихийная переоценка ценностей приводит современную молодежь к поискам смысла жизни в русской культурной традиции, наскавоз пропитанной христианством. «Нужно преодолеть слепо-отрицательное отношение к истории религиозного движения», — писал В. Шощин в «Молодой гвардии» (№ 2, 1966). С той же роковой для власти неумолимостью выдвигается теперь требование удалить все то наносное в области терминологии, что принес с собой коммунизм.

Так, один за другим, рушатся устои, на которых держится власть. В условиях же неустойчивого равновесия достаточно едва ощутимого и совершенно случайного толчка, чтобы вызвать всеобщий обвал.

М. СЛАВИНСКИЙ

Международные итоги 1966 года

С чем вступаем мы в новый, 1967 год? Истекающий год не только не решил ни одной из крупных международных проблем, но многие из них еще более заострил.

Так, еще более обострился конфликт КПСС-КПК. Все попытки советского руководства добиться с китайскими товарищами какого-либо компромисса окончились безуспешно. Мало того: в Пекине, не дожидаясь международного совещания компартий, проявили инициативу и предали анафеме всех «хрущевских ревизионистов», заявив, что никакого единства действий с ними быть не может. Руководство КПСС, по-видимому, начинает учитывать серьезность обстановки: по данным японского генерального штаба, на границах с КНР теперь сосредоточено 39 дивизий, часть их перебросена из Восточной Европы (ГДР, Польша). Еще более грозным предостережением «хрущевским ревизионистам» должен служить пятый опытный взрыв термоядерной бомбы, произведенный в провинции Синьцзян, пограничной с СССР. Но если опасность и учитывается, то это еще не значит, что делаются должные выводы.

Так, советские газеты часто перепечатывают статьи из зарубежной коммунистической прессы с нападками на КПК, публикуют собственные статьи и сообщения о «культурной революции», но объяснение происходящему в КНР дается крайне поверхностное: во всем, дескать, виноваты Мао Цзэ-дун и его окружение, а мы, мол, будем по-прежнему стремиться к дружбе и сплоченности с КПК. Толкование процессов в КНР дается с позиций самого что ни на есть наивного voluntаризма (даже пытаюсь объяснить, почему в СССР стал возможен «культ личности Сталина», официальная пропаганда ссылаясь на «вражеское окружение»; в случае же «культ личности Мао Цзэ-дуна» нет и этого объяснения!), — вряд ли оно и нуждается в серьезной критике. По-видимому, руководство КПСС не теряет надежды на какой-то внутривластный переворот в Пекине и стремится

к — «в порядке дружбы и сплоченности с КПК» — насадить в ее рядах свою агентуру. Надежды эти построены на песке; шансы на внутривластный переворот, да еще просоветской окраски, ничтожно малы. Но руководство КПСС на другой путь — путь хотя бы частичного примирения с народом и союза с США — вступить не решается. Ему ничего не остается, как кормить себя и пытаться (с негодными средствами) кормить народ сказками о каких-то «истинных коммунистах» в Китае, имеющих за собой большинство в КПК и самоотверженно борющихся с Мао Цзэ-дуном и его группой, опираясь на сочувствие и поддержку китайского пролетариата.

Вместе с тем, конфликт КПСС-КПК серьезно поколебал и единство компартий во всем мире. Далеко не все из них пошли в фарватере КПСС. Это уже вызывает явное недовольство некоторых, наиболее просоветских «братских партий». Так, пражская «Руде право», намекая на кого-то не названного, пишет: «Партия, которая отклоняется в основных вопросах общего действия (речь идет о создании единого фронта против КПК. — А. Н.) и занимает позиции, отличные от позиций всех остальных коммунистических партий, сама себя исключает из этого единого фронта». Венгерская «Непсабдашг» выражается еще более категорично: «Весьма спорны нейтральность и неопределенность, которые встречаются иногда в оценке китайской политики».

Все это писалось уже после съездов в Софии и Бухаресте, где выяснилось, что компартии Кубы, Румынии, Северного Вьетнама, Северной Кореи, Югославии, Японии не имеют ни малейшего желания следовать за КПСС и изгонять из коммунистического лагеря КПК. Другими словами, угрозы раздаются уже не только по адресу «китайских товарищей», но и по адресу нейтральных. В 1967-ой год «монолитный лагерь» вступает расколотым на три части (по самой меньшей мере):

КПК с ее сателлитами почти во всех странах мира (включая, если верить сообщениям «Синьхуа», Польшу), КПСС с ее верными союзниками вроде Живкова, Кадара и Ульбрихта, и нейтральную.

Не решен и вьетнамский вопрос, и даже нет на горизонте никаких признаков его быстрого решения. Бомбардировка Северного Вьетнама к ожидавшимся результатам не привела; ханойское руководство по-прежнему утверждает, что оно готово вести войну за насаждение в Южном Вьетнаме коммунизма двадцать и более лет, если понадобится. Правда, мораль Вьетконга и северовьетнамских частей сильно подорвана: если в 1964 году было из их рядов 7 тысяч перебежчиков (круглым числом), то в 1965 году уже 11 тысяч, а в 1966 году — 20 тысяч. Но все же Вьетконг и северовьетнамские части насчитывают сейчас в Южном Вьетнаме 280 тысяч человек, и могут позволить себе такие потери: на смену убитым и перебежавшим, из Северного Вьетнама постоянно поступают новые пополнения. Арифметическая прогрессия роста может превратиться в геометрическую лишь в том случае, если в Южном Вьетнаме будет успешно проведена земельная реформа, если начнет приносить плоды политика экономического восстановления страны. Но будут ли эти задачи разрешены уже в наступающем году, — еще большой вопрос.

Пока же следует считать, что и правительство США и руководство КПСС находятся во Вьетнаме в положении «пата»: ни одна сторона не может оставить своих вьетнамских союзников. Разница лишь в том, что политика США в Южном Вьетнаме носит явно оборонительный характер (к свержению северовьетнамского режима американцы не стремятся), а политика руководства КПСС — агрессивный, поскольку оно безоговорочно поддерживает агрессивные требования Ханоя. Неудивительно коммунистическому лагерю противостоит неединый Запад. Если Чаушеску называют восточноевропейским де Голлем, то, надо сказать, не без оснований. Франция фактически вышла из системы НАТО; ведет (в пику американцам) дружественную политику по отношению к КНР, генерал де Голль ездил (правда, без особых ощутимых результатов) в Советский Союз, — где население тепло приветствовало французского президента, очевидно, в память Второй мировой войны.

До сих пор не клеится дело с объединением Европейского Экономического Сообщества и Европейской Зоны Свободной Торговли.

Единственное, чем Запад может похвастать, — это экономическое проникновение в страны Восточной Европы, особенно дающее себя знать в Румынии и Югославии. Но на Западе склонны преувеличивать политическое значение этих экономических связей, видеть в них чудодейственное средство какой-то постепенной гуманизации и демократизации восточноевропейских режимов.

На самом же деле нам довольно часто приходилось читать о политических процессах в Венгрии (где политзаключенные — отнюдь не прошлое, а настоящее), о жестокой борьбе режима Гомулки с Католической Церковью в Польше, об аресте писателя Бенеша в Чехословакии, доцентов Курона и Модзелевского в Польше, Михайла Михайлова и его друзей в Югославии.

Если в восточноевропейских странах и наблюдаются тенденции к демократизации, то это — давление «снизу», а не добрая воля «сверху». Заводы Рено в Болгарии или ФИАТ-а в Польше здесь решительно ни при чем. Вопрос же о том, как сочетать демократизацию с диктатурой, восточноевропейские режимы так и не решили. Эта проблема, между тем, приобрела в прошлом году достато-

чно острые очертания и в наступающем году, несомненно, еще более обострится.

Лагерь нейтралитетских стран, — и без того нечто весьма расплывчатое, — вступает в 1967 год с еще большей тягой к бесформенности и расползанию. Достаточно напомнить конфликты между Эфиопией и Сомали, Алжиром и Марокко, ОАР и Ираком. Один главный носитель прокоммунистического нейтралитета Кваме Нкрума сидит безвылазно в особняке в Гвинее, и похоже на то, что на него махнул рукой даже принявший было «избавителя» с распростертыми объятиями Секу Туре. Другой «великий вождь» Сукарно лишен всякой фактической власти, а его бли-

жайший сотрудник Субандрио приговорен к смертной казни.

Несколько бывших колоний и протекторатов получили в истекшем году независимость: британская Гвиана, Бечуаналенд, Басутоленд, Барбадос. Соответственно увеличился список развивающихся стран среди членов ООН, но вырос ли от этого международный престиж этой организации, — вопрос другой: очень редко нуждающиеся в помощи располагают необходимым весом и авторитетом. По-видимому, ООН ожидает в предстоящем году те же болезни, что давали себя знать и в истекшем.

А. Н.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

СЛУЖЕНИЕ И БОРЬБА

(О книге А. Л. Толстой «Проблески во тьме»)

«Недалеко от Кандалахиши наш поезд остановился. Мимо станции красноармейцы гнали группу оборванных, замерзших людей. Люди хотели остановиться, что-то сказать нам, но охранники грубо закричали на них. Страшно было смотреть на эти распухшие, посиневшие от холода лица, на выражение глубокого страдания на них. Люди с трудом передвигали ноги, обутые в разбухшие, стоптанные валенки или порывшиеся сапоги».

Что это? Эти строки — из книги «Проблески во тьме» А. Л. Толстой. Тридцатые годы? Сталинские концлагери? Нет, это годы двадцатые, концлагери, порожденные злой волей Ленина. Верный ученик только продолжал дело учителя...

Александра Львовна приехала на север в 1928 году с экскурсией.

Скоро у нее созрело окончательное решение покинуть Советский Союз, чтобы рассказать миру о преступлениях большевизма, посвятить свои силы борьбе против него, показав в то же время проблески человеческого духа в коммунистической тьме.

Книга «Проблески во тьме», вышедшая недавно вторым изданием в США, — картина пореволюционных лет России, повесть о разрухе, в которую вверх большевизм Россию, о страданиях народа, каких не переживал он со времен татарского ига.

Большевистский переворот застал Александру Львовну на фронте.

Когда, в результате большевистской пораженческой пропаганды, рухнул фронт и превратившаяся в разнузданную толпу дезертиров армия покатила вглубь России, — в переполненных теплушках, тяжело переживая российскую катастрофу, ехала домой и сестра милосердия Александра Толстая.

Начались годы разрухи, начались тяжкие испытания: голод, холод, обсыки, аресты, тюрьма...

Но ничто не могло ни поколебать, ни сломить ее, и все годы своей жизни в Советском Союзе Александра Львовна посвятила служению ближнему — в подлинном, большом значении этих слов.

Жила в Москве, потом в Ясной Поляне, но постоянно ездила в Москву, чтобы защищать арестованных, — знакомых и незнакомых, — кому грозила тибель. Со свойственной ей энергией и настойчивостью, добивалась приема у новых вельмож, не раз бывала у Менжинского, у Калинина.

Не одну жизнь спасла Александра Львовна Толстая.

И сама была арестована, сама сидела — и вырвалась.

В Ясной Поляне нужно было восстанавливать разоренное хозяйство, создавать музей, посвященный памяти отца — великого писателя, мыслителя, проповедника, — строить школу, вести преподавание по его заветам, противодействуя разлагающему влиянию большевистской пропаганды, невежественному вмешательству в школьные дела полуграмотных комиссаров.

«Преследование культурных работников, — пишет Александра Львовна, — пресечение инициативы в школах, стремление задушить проблеск талантов в учениках, стремящихся к живому творчеству, забывая их умы скучной, бездушной марксистской пропагандой, — все это удручающе действовало на коллектив, лишало лучших работников всякого интереса к их деятельности».

Работать становилось все труднее:

«Ясная Поляна уже не составляла исключения, и бороться с влиянием компартии было немислимо. Мое решение уйти, освободиться от гнетущего чувства и сознания, что совесть все больше засоряется

Александра Толстая. «Проблески во тьме». Вашингтон, 1965. Стр. 242, о портрете автора.

ложью, что, спасая себя, морально ты падаешь все ниже и ниже, — крепко с каждым днем».

После организации в Ясной Поляне партийной ячейки работать стало просто немислимо.

Присланный из Тулы секретарь ячейки Трофимов «...обладал всеми качествами заядлого большевика: самоуверенной грубостью, нахальством, невежеством и жестокостью».

У Александры Львовны созрело окончательное решение: вырваться за границу.

После продолжительных хлопот Александре Львовне удалось получить разрешение на выезд за границу, в Японию, где она должна была прочитать курс лекций.

Узнав, что Александра Львовна уезжает, самые близкие ей крестьяне пришли попрощаться.

«Расскажи им, — просили они меня, — непременно расскажи, как мы здесь живем, как мучаемся. Может, помогут нам! Они наверно там не знают про нашу жизнь!».

Александра Львовна обещала:

«Скажу, непременно скажу!».

С тех пор Александра Львовна не перестает говорить миру о трагедии народа России, о преступлениях коммунизма.

Ее книга «Проблески во тьме» — не только историческое свидетельство, но и страстный обличительный документ.

В. САМАРИН

ВСЕ-ТАКИ ЗЕМЛЯ — ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ!

В прошлом номере «Посева» была напечатана короткая заметка Я. Кристенсена «Построение социализма в космосе». В ней речь шла о статье Владимира Львова «Космос человеческого» из журнала «Нева» № 12 за 1965 г., где ставится задача освоения и покорения космоса.

Но в этой статье (одной из многих модных ныне по этой тематике) есть и параллельная линия — о том, существуют ли в космосе другие разумные существа, помимо человека. Автор пишет:

«Традиционный взгляд — автор этих строк придерживался его еще несколько лет назад — состоит в следующем. Коль скоро в космосе имеется великое множество звезд и планет, похожих на Солнце и Землю (а это несомненно так), и поскольку жизнь развивается на бесчисленном множестве небесных тел (это тоже бесспорно), то налицо много, очень много очагов разума в космосе».

Должны были бы быть цивилизованные общества, но тогда «эти общества целиком и полностью освоили бы весь близлежащий космос». И тут надо «дать ответ на вопрос о причине явного отсутствия следов (выделено в оригинале. — А. К.) деятельности разумных существ».

Реакционный вариант, по которому «каждая цивилизация... списывает себя в расход в течение первых же нескольких сот, самое большее тысяч лет с момента освоения ядерной и ракетной техники», автор отвергает: «сама возможность освоения разумными существами ядерной и ракетной техники предполагает достижение достаточно высокого уровня социальной организации общества. Достижение же такого уровня влечет за собой обуздание, а затем и ликвидацию агрессивных сил».

Дело в другом: «для появления человека на Земле потребовалось сочетание очень большого числа случайно совпавших обстоятельств» — так передает автор акцептируемый им взгляд ленинградского ученого А. И. Баумштейна. «Вероятность того, что развитие жизни в космосе придет в конце концов к мыслящему мозгу, была крайне мала», но «математики знают, что среди самых невероятных событий есть такие, которые осуществляются непременно, после того как будет сделано достаточное число проб». И автор предлагает считать, что исключительно большой знаменатель вероятности при

таком же числе «проб» в Метагалактике (сто тысяч миллиардов миллиардов) привели к тому, что «мы могли бы рассчитывать наверняка встретить сегодня не более одной цивилизации во всем обозримом объеме Вселенной»!

В заключении автор говорит, что «вся предыдущая бесконечная история Вселенной есть история восхождения материи к Человеку. Мы первенцы».

Конечно, В. Львов отвечает «антинаучную идею антропоцентризма», и для него «появление человека — если стоять на позициях материализма, на позициях дарвинизма — не было запланировано чьим-то верховным разумом». Больше того, у него «место мифического бога во Вселенной занимает реальный, земной Человек!»

Но, даже если оставить в стороне вопрос о движущей силе оживотворения и одухотворения, уже одно совпадение научных теорий с религиозными откровениями касательно исключительности Земли и человека во Вселенной должно чего-то стоить.

А. К.

КАЛЕНДАРЬ «ПОСЕВА»

Календарь «Посева» и по внешнему своему оформлению, и по злободневности своего содержания отличается от всех других календарей, выпускаемых русскими зарубежными издательствами. Редактор календаря, М. Н. Залевский, выискивает для каждого издания календаря все новые жемчужины из исторических документов и редких книг. Художественный редактор, А. В. Русак, подбирает иллюстрации, которые нигде, кроме как в календаре «Посева», не появляются: репродукции картин художников, которых в СССР преследуют, фотографии осужденных коммунистами церковных и национальных святых, современные видовые снимки российских городов.

Из года в год тираж календаря растет. Был увеличен тираж и в этом году. Но спрос опять превзошел ожидания, и на складе осталось очень ограниченное число экземпляров. Читателям «Посева», привыкшим к нашему календарю, но еще не успевшим заказать себе календарь на 1967 год, издательство напоминает, что с «традицией» покупать календарь в течение января месяца в этом году придется покончить, и приобрести календарь смогут только те, кто закажет его в самые ближайшие дни.

СВЯТО-НИКОЛАЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ФРАНКФУРТЕ

На первой странице этого номера «Посева» — фотография сооружаемого православным приходом во Франкфурте нового храма во имя Святого Николая Мир Ликийских Чудотворца. Строительные леса, которые видны на фотографии, несколько дней назад сняты. Идет внутренняя отделка храма, с тем, чтобы еще до Пасхи в нем можно было бы начать совершать богослужения.

Приход собственными силами собрал на строительство храма более 100 000 марок и получил щедрую поддержку от ряда церковных организаций и германских учреждений. Однако надлежит собрать еще немало, прежде чем храм будет закончен. Строительный комитет будет искренне благодарен за каждую лепту. Направлять пожертвования следует по адресу:

Orthodoxe Kirchengemeinde, Baukomitee
Dresdner Bank AG, Frankfurt a. M., Konto 142 225
Postscheckkonto Frankfurt a. M. 892 90

ДЖИЛАС И ДВОЕ ДРУЗЕЙ МИХАЙЛОВА ОСВОБОЖДЕНЫ

31 декабря по новогодней амнистии освобождены из тюрьмы Милован Джилас, бывший вице-президент Югославии, приговоренный в 1962 году к 8 годам и 8 месяцам лишения свободы за оппозиционную писательскую и общественную деятельность.

Накануне, 30 декабря были, освобождены также двое из пяти сотрудников публициста М. Михайлова по созданию оппозиционного журнала, арестованных 22 ноября (см. «Посев» от 25 ноября), — Леонид Шейка и Даниэль Ивин. Помимо самого М. Михайлова, осужденного 23 сентября на год тюремного заключения, под арестом находятся еще трое его друзей — Франьо Зенко, Марьян Батинич и Предраг Ристич.

ПОПРАВКИ

В прошлом номере «Посева» на странице 2 в строке 37 должно быть: 5,5%. На странице 6 в колонке 2, строках 38-39: пражского радио; в колонке 3, строке 11: догматов и фикций; строках 26 и 29: пред-ставитель.

Отовсюду

▲ 20 декабря закрылась XXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН.

▲ Решением Совета Безопасности, срок пребывания вооруженных сил ООН на Кипре продлен до конца июня 1967 года.

▲ В своем новогоднем выступлении по радио де Голль возложил вину за войну во Вьетнаме на США.

▲ Произошли беспорядки в Загребе: во время антиамериканской демонстрации, организованной югославскими коммунистами и властями, наряду с американским консульством были повреждены здания местных организаций. Полиция вынуждена была применить слезоточивые газы.

▲ Конфликт между правительством и парламентом в Словении урегулирован путем компромисса в вопросе о социальных расходах, и правительство взяло назад свое заявление об отставке. Это была первая парламентская отставка правительства в истории коммунистических государств (см. «Посев» от 16 декабря, стр. 8).

▲ Югославская печать выступает против международного совещания коммунистических и рабочих партий. Центральная газета СКЮ «Борба» 6 декабря писала, что нет ни смысла, ни необходимости в совещании.

▲ Выступая по телевидению, югославский президент Тито высказался против общеевропейской конференции компартий. Он предложил ограничиться совещанием компартий только «капиталистических» европейских стран.

▲ Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», прибывший в Северный Вьетнам, установил, что от налетов американской авиации пострадали жилые районы Ханоя и гражданское население.

▲ 28 декабря в Китае произведен новый ядерный взрыв «в западном районе страны», т. е. в Синцзяне.

▲ По данным западных научных станций, 18 декабря произведен подземный атомный взрыв в СССР, близ Семипалатинска.

▲ 20 декабря в США произведен подземный ядерный взрыв, 34-й в 1966 году.

▲ По сообщениям из Сеула, количество южнокорейских войск в Южном Вьетнаме будет увеличено в 1967 году с 50 до 80 т. ч.

▲ США поставили Иордании вооружение, включая танки и 36 универсальных реактивных самолетов типа «Старфайтер».

▲ Произошел государственный переворот в Лесото, новообразованном государстве южной Африки: премьер-министр Джонатан арестовал «верховного вожда» (короля) Мошеша.

▲ Премьер-министр Японии Сато распустил парламент страны и назначил новые выборы.

▲ В КНР отпраздновано 73-летие Мао Цзэ-дуна.

▲ В ходе «культурной революции» в КНР все дома на главной улице Пекина перекрашиваются в красный цвет и покрываются золотыми иероглифами лозунгов. По примеру этой улицы, весь Пекин должен стать «красным городом».

▲ К трем с половиной годам тюремного заключения приговорены в Венгрии трое возглавителей подпольной молодежной организации, ставшей целью свержения коммунистического режима в стране. Главным обвиняемым, согласно материалам процесса, привлечен к этой цели в организацию 20 человек молодежи.

▲ Социал-демократ Генрих Альбертц избран правящим бургомистром Западного Берлина, вместо Вилли Брандта, ставшего вице-канцлером ФРГ.

▲ Газета «Новости Монголии» сообщила о том, что в Восточной Германии находится монгольская противотанковая бригада «Сухэ-Батор» (хотя Монголия не является членом организации Варшавского договора).

▲ Состоялся референдум в Испании, одобривший законопроект о разделении должностей главы государства и главы правительства.

▲ При посредничестве мексиканских властей началась репатриация граждан США еще живущих на Кубе. Их первая группа из 88 человек прибыла в Мексику. На Кубе находится 3 700 американских граждан, желающих репатрироваться.

Ответственный издатель В. Горачек. Главный редактор А. Артемов. Заместитель главного редактора Я. Трушников. Редакционная коллегия: В. Маслов, А. Неймиров, Г. Гар, Л. Федоров, Ю. Чикарев.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, неизменно выражают мнение редакции. Непринятые рукописи не возвращаются. Стихов редакция не печатает. Книжки для отрыва следует присылать в двух экземплярах. Перепечатывать, переводить на иностранные языки, использовать в выдержках или иным способом материалы, снабженные «copyright», можно только с разрешения издательства. Остальные материалы могут быть перепечатываемы, но с обязательной ссылкой на источник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСЕВ

Possev-Verlag, 623 Frankfurt/Main-Sachsenheim, Flurschaidweg 15.
Telefon 31 42 65. Postcheckkonto 334 61 Frankfurt/Main
Bankkonto 148 000 530 Nassauische Sparkasse Frankfurt/Main

Издает еженедельник «ПОСЕВ», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «ГРАНИ», художественную и общественно-политическую литературу. При издательстве — книжный магазин. Проспекты и каталоги высылаются бесплатно.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

АВСТРАЛИЯ: A. Veramee, 8 Abingdon st., W.-Gabb, Brisbane, Qld.
АВСТРИЯ: W. W. Postl, Postfach 40.
АНГИЯ: D. Blenko, 48 Leamington st., Oak Lane, Heaton, Bradford 9.
АРГЕНТИНА: Sra. I. Gradishkin, Casilla de correo 2585, Buenos Aires.
БЕЛГИЯ: Bolto postale 1094, Bruxelles 1.
БРАЗИЛИЯ: I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo.
ВЕНЕСУЭЛА: N. Drosdovskiy, Apartado correo 4665, Caracas-Este.
ГОЛЛАНДИЯ: A. Kondauraw, Postbus 325, Rotterdam.
ДАНИЯ: D. Schwitsch, Herihavej 2 B, Koebenhavn-Charl.
ИЗРАИЛЬ: M. Kabiri, 33, rue Maaleh, Harofim, Ramat-Gan.
ИСПАНИЯ: Don Miguel Jurenish-Kaldin, Padilla 55, Madrid.
ИТАЛИЯ: A. Konovets, Cassella Postale 429, Roma - Centro.
КАНАДА: A. Romar, 1420 Bernard ave., Montreal 8.
МАРОККО: M. Koltovskoy, 6, rue Courteline, Casablanca.
НОРВЕГИЯ: Jan Evland, Klemetsrud, Oslo. Tel.: 28 48 26.
СИНГАПУР: M. Teitov, 34 Stevens Road, Singapore.
США: Miss M. Rodewald, P.O. B. 38, Jackson Hts., New York, N.Y. 11372.
The Russian Book House, 277 Fairfield Ave., Bridgeport, Conn. 06603, Tel. 335-0964.
А. Teitovitch, 2314, 25th ave, San Francisco, Calif. 94116. Tel.: SE 1-0339.
ФРАНЦИЯ: «Le Semis», B. P. 143, Paris 15. Tel.: BLOmet 62 06.
M.-le S. Karpikhine, 74, av. Félix Faure, Paris 15.
N. Alloff, 10 rue des Bleuets, 69 Bron.
A. Lavroff, 2, rue de la Moselle, Nilvange (Moselle).
ШВЕЙЦАРИЯ: Leo Grossen, Postfach, Locarno.
ШВЕЦИЯ: Tidskriften «Possev», Box 4054, Söderström 4.
ЯПОНИЯ: A. Bakulevsky, 437 Iwai-cho, Hodogaya-ku, Yokohama.

Einzelpreis DM 0.90

Разничная цена еженедельника «ПОСЕВ» в Германии — 0.90 н. м., в США и Канаде — 0.90 дол., во всех других странах — эквивалент 0.90 н. м. Полная в Германии — на 1 год 41.60 н. м., на полгода 20.80 н. м., на 3 месяца 10.40 н. м. В США и Канаде — на 1 год 15.60 дол., на полгода 7.80 дол., на 3 месяца 3.90 дол. (при доставке по воздуху — на 1 год 20.80 дол., на полгода 10.40 дол., на 3 месяца 5.20 дол.). Во всех других странах — на 1 год 46.80 н. м., на полгода 23.40 н. м., на 3 месяца 11.70 н. м.

Разничная цена журнала «ГРАНИ» в Германии — 7 н. м., в США и Канаде — 2 дол., во всех других странах — эквивалент — 7 н. м. Полная на четыре номера в Германии — 25 н. м., в США и Канаде — 7 дол., во всех других странах — 26 н. м.

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НЕДЕЛЬНЫЙ ОТРЫВНОЙ

Календарь «Посева» на 1967 год

Святцы. Юбилейные даты. Храмы, оскверненные коммунистами. Современные виды российских городов. Репродукции картин. Архитектурные памятники. Образцы русского ювелирного искусства. Стихотворения. Статьи исторического, литературоведческого, занимательного характера. Документы. Афоризмы. Происхождение слов. Исторические анекдоты.

Цена 7.00 нем. марок. В США и Канаде 2.00 долл.

Жития святых

В издании Обители преподобного Иова Почаевского выпущено десять сборников. Цена сборника 6.00 НМ.

Выписывать сборник следует по адресу:

Orthodoxes Männerkloster des Hl. Hiob
8000 München-Obermenzing, Hofbauernstraße 8

РАЗЫСКИВАЮ девушек из России, во время войны работавших вместе со мной на паровозо-ремонтном заводе «Мюнхен-Фрейман». Я работал токарем в 24 цехе и звали меня Ваня-Западник. Пишите по адресу: Onaskyj Iwan, Berkenstraat 45, Brunssum, Nederland.

Типография издательства «Посев» выполняет любые типографские работы на славянских и западноевропейских языках. Каталог шрифтов по первому требованию.

ЗАЩИТА ВЕРЫ

В
С
С
С
Р

ПОЛУЧЕННЫЕ ИЗ РОССИИ РУКОПИСИ ИЗВЕСТНОГО АПОЛОГЕТА И ЦЕРКОВНОГО ДЕЯТЕЛЯ

А. Э. ЛЕВИТИНА (А. Краснова)

Монашество и современность

Ответ Геннадию Героднику

Пропения, заявления, рапорты Святейшему Патриарху насельников Свято-Успенской Почаевской Лавры

Протокол беседы А. Э. Левицина о свободе веры и атеизма в Москве с представителями властей и антирелигиозных организаций

С ПРЕДИСЛОВИЕМ АРХИЕПИСКОПА ИОАННА САН-ФРАНЦИСКО

104 стр. С суперобложкой художника А. Русака. Цена в США и Канаде \$ 2.—, в остальных странах НМ 7.—.

Поступила в продажу

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ».